DK262
.R9
Rare Bk. room

№ 2. Цѣна 10 коп. 1905 г.

НАГАЙКА

ЭХО СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ и ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.
ОРГАНЪ НЕЗАВИСИМОЙ МЫСЛИ.
Выходитъ еженедѣльно, въ зависимости отъ интереса текущихъ событій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Если успѣхъ всякаго литературнаго изданія выражается въ огромномъ количествѣ разошедшихся экземпляровъ, то мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи констатировать тотъ фактъ, что первый выпускъ нашего журнала почти весь разошелся, если не считать лишь нѣкоторыхъ оставшихся, считанныхъ, нумеровъ. Такой огромный сбытъ перваго №, уже и не менѣе огромный спросъ на второй нумеръ нашего журнала, даетъ намъ увѣренность расчитывать и впредь на полное сочувствіе со стороны читающей публики. Въ виду этого, съ своей стороны, мы не остановимся ни предъ какими матеріальными затратами для привлеченія возможно лучшихъ сотрудниковъ какъ литературнаго, такъ и художественнаго міра. Мы увеличили второй выпускъ нашего журнала на четыре страницы, вмѣстѣ съ тѣмъ позаботились и о качественномъ его улучшеніи. Прилагая всѣ усилія, чтобы идти на встрѣчу всѣмъ мыслящимъ читателямъ, редакція ни въ какомъ случаѣ не измѣнитъ строго намѣченнаго направленія: возможно больше обнаруживать гнойныя язвы нашей бюрократической страны и съ строгой правдивостью проливать свѣтъ на всѣ факты и жизненныя явленія многострадальной Матушки Руси.

Миша сердится.

Кому на Руси жить хорошо?

Крестьяне Голодаевки,
Деревни Задолжаевки,
Селенія Неѣлова
И стана Очумѣлова
Собралися на сходъ.
Собралися, поспорили,
Поспоривши, повздорили,
Кому живется весело,
Вольготно на Руси.
„Эхъ, братцы, мои бѣдные,
Голодные и блѣдные!“—
Дѣтина Голодаевки
Собравшимся, сказалъ:
„Послушайте вы, малаго,
Меня вездѣ бывалаго,

Кому живется весело
На матушкѣ Руси.
Вельможамъ да сановникамъ,
Жандармскимъ полковникамъ,
Да генераламъ старенькимъ,
Священникамъ лукавенькимъ,
Какъ у Христа за пазухой
Живется на Руси.
Да мудрымъ все совѣтчикамъ,
Шараповымъ—помѣщичкамъ.
Курляндскимъ разнымъ нѣмчикамъ
И прочимъ всѣмъ каналіямъ,
И Карламъ да Амаліямъ
Съ „россійскою“ душой.
Да земскимъ всѣмъ начальникамъ,
Лихимъ градоначальникамъ,
Да разнымъ губернаторамъ,
Никольскимъ всѣмъ ораторамъ,
Да толстымъ интендантикамъ
И лысымъ адъютантикамъ—
Съ „Георгіемъ“ и съ бантикомъ
Живется, припѣваючи,
Вольготно на Руси.
Ивану тожъ, Кронштадтскому,
И тайному и статскому,
Да сыщикамъ погаденькимъ,
Казакамъ вѣчно пьяненькимъ,
Сергѣю съ „монополіей“,
„Съ свободою и волею“,
Да разнымъ узурпаторамъ
Дурново да диктаторамъ,
Всѣмъ знатнымъ очень глупенькимъ,
Да кунчикамъ всѣмъ скупенькимъ
Живется славно, весело,
Счастливо на Руси.
А намъ, признаться, бѣдные,
И хилые и блѣдные
Крестьяне Голодаевки,
Деревни Задолжаевки,
Селенія Неѣлова
И стана Очумѣлова,
Да бѣдному студентику,
А съ нимъ интеллигентику,
Матросику голодному,
Рабочему „свободному“,
Солдатушкѣ бездомному,
Почтовому чиновнику,
Еврею да наемнику,
Да разной мелкой братіи,
Охъ! горе наше горюшко
Охъ! доля ты несчастная
Охъ! какъ живется горько намъ
На матушкѣ Руси.

Н. Ларскій.

ICU

Праздникъ Смерти.

(СКАЗКА).

Ночка темная на землю спускалася,
Звѣзды ясныя въ небесахъ загоралися,
И деревья въ лѣсу многолѣтнія
Задрожали да покачнулися,
Листья вдругъ на нихъ зашелохнулись,
Зашумѣли да всѣ всколыхнулися,
Какъ-бы пѣсню запѣли унылую
Про печаль да про горе житейское.

* * *

Изъ-за горъ, изъ-за лѣсу дремучаго
Смерть съ косой выходила угрюмая,
А за ней вылетали все черныя,
Птицы черныя да презлющія.
„Эй, вы, вѣстники всѣ быстрокрылые,
Вы подручники всѣ мои вѣрные,
Уже долго вѣдь я не работала,
Длиннымъ отдыхомъ я утомилася,
Коса вострая вся притупилася...
Я хочу отточить косу вострую,—
Пиръ хочу я устроить неслыханный.
Кровью я хочу насладитися,
Кровью алою тою горячею!
Полетайте скорѣй быстрокрылые,
Полетайте въ губерніи русскія!

Тамъ найдете вы вѣрныхъ помощниковъ,
Не изъ мирныхъ крестьянъ да наемниковъ,
А изъ кровныхъ дворянъ, что съ кокардами,
Въ позолоченныхъ, шитыхъ мундирчикахъ,
Что въ лампасахъ да съ красными лентами,
Съ орденами Святаго Владиміра,—
Не изъ мирныхъ крестьянъ да наемниковъ,
А изъ кровныхъ дворянъ—губернаторовъ.
Улетѣли всѣ вѣстники быстрые,
Улетѣли въ губерніи русскія.

* * *

То не коршуны стаей слеталися,
То не черныя тучи сгущалися,—
То большою толпой православные,
Люди темные все собиралися.
Собирались съ трехцвѣтными флагами,
Съ тѣми флагами, что все развиваются
Въ каждый табельный день, въ каждый праздничекъ.
И пошли потомъ люди темные
Кричать, что студентовъ-крамольниковъ,
Тѣхъ студентовъ, что только по Божьему
Говорятъ всегда правду горькую.
Да евреевъ всѣхъ злыхъ подстрекателей
Изобьютъ они, всѣхъ ихъ замучаютъ,
И засадятъ ихъ въ тюрьмы крѣпкія,
Закуютъ имъ всѣмъ бѣлы рученьки.
Охъ, ты пьянство, пьянство злостное,
Ты зачѣмъ такъ задурманило,
Ихъ головушки затуманило,
Безъ того уже затуманены
Они школами вѣдь церковными,
Да указами, да опекою
Полицейскою да Синодскою.
До того уже затуманены,
Что сроднилося, имъ приголубилось,
Рабство грубое да жестокое,
Что не вѣдаютъ люди темные,
Кто друзья ихъ да защитники,
Кто ихъ ворогъ злой да тюремщики.

* * *

По всѣмъ улицамъ, переулочкамъ
„Ура“! громкое разносилося,
„Спаси Господи“ да „Помилуй насъ“
По всѣмъ улицамъ раздавалося.
И давай потомъ люди пьяные
Избивать и бить, да съ „присказкою“:
„Захотѣли вы молъ „конституцію“,
Какова она, вотъ полюбуйтеся!
И пошла стонать земля русская,
Наша матушка столь терпѣливая,
Кровью алой тогда напиталася,
Кровью праведныхъ крамольниковъ,
Да еврейскою—малыхъ дѣтушекъ,

Стариковъ, дѣвицъ безъ различія.
И красивыя да зеркальныя
Стекла толстыя разбивалися,
И добромъ чужимъ, да некраденнымъ,
Люди темные награждалися.
А начальники всѣ полицейскіе,
Пристава и всѣ надзиратели,
Да казаки-лихіе опричники,
На все глядючи тутъ, усмѣхалися.
„Осади назадъ, не приказано,
Не замай никто люда темнаго“!
Онъ вѣдь буйствуетъ тутъ съ разрѣшенія
Съ молчаливаго, знай-ка, согласія
Консисторій, поповъ, губернаторовъ.
Ночка темная на землю спускалася,
Звѣзды ясныя въ небесахъ загоралися,
Мать-сыра-земля всколыхнулася,
Всколыхнулася, горько заплакала
Передъ большой бѣдой, неминучею.

* *
*

Эй ты, смерть, ты мать наша славная!
Все исполнено, какъ приказано,
Пиръ неслыханный и невиданный
Поспѣшай скорѣй праздникъ праздновать:
У того ли, моря Чернаго,
Да красиваго града русскаго,
Что Одессою прозывается.
У того ли, города чуднаго,
Азанчевскаго губернатора.

* *
*

По всѣмъ улицамъ, переулочкамъ,
Кровь горячая и невинная
Въ ручьи быстрые собирается.
И лежатъ они всѣ убитые,
Трупы синіе, да холодные.
У замученныхъ ручки сжатыя.
Знать, они то передъ смертію
Проклинали такъ всѣхъ разбойниковъ.
Вотъ живые чуть. Это родичи
Ходятъ тутъ, смотрятъ пристально
На убитыхъ всѣхъ и замученныхъ.
Не узнать ли имъ отца-батюшку,
Что оставилъ ихъ ходить по міру,
Не узнать ли имъ жену милую,
Что оставила малыхъ дѣтушекъ,
Не узнать ли имъ братца малаго,
Или дѣтушекъ своихъ бѣдненькихъ.

* *
*

Тишина вездѣ разливается...
Только слышится, какъ въ переулочкѣ,
Мать надъ бѣдной своею малюточкой,
Горькимъ плачемъ надъ ней заливается.
„Эхъ ты, доля моя, ты суровая,
Ты, судьба ли моя злополучная!
Зачѣмъ отняли, злые, малюточку
У меня вы ее люди темные!“
И рыдала мать горько, жалобно,
Проклинала всю судьбу горькую,
Проклинаючи—помѣшалася,
Дикимъ смѣхомъ она разсмѣялася.

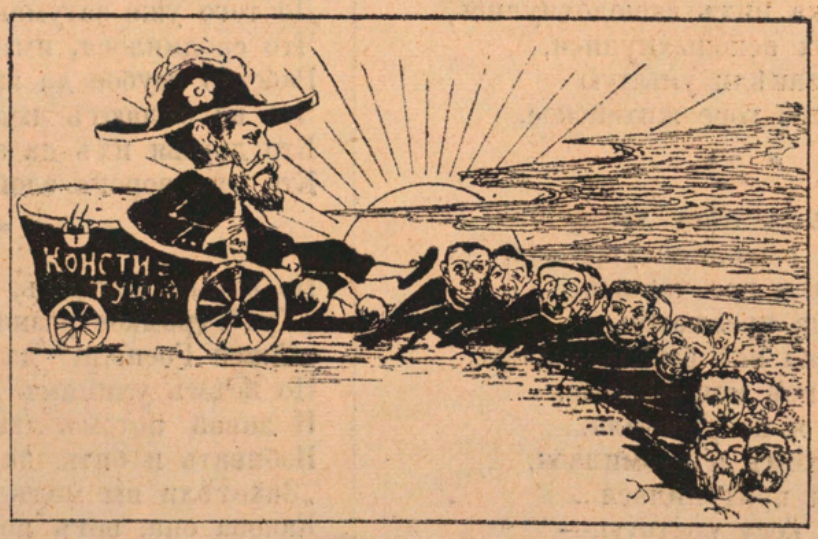
* *
*

Смерть суровая тутъ призадумалась.
Очи грозныя ея затуманились,
Опечалилась, ужаснулася,
И къ холодному тѣлу малюточки
Головою она приклонилося,
И слезами тогда да горючими
Смерть все плакала, все заливалася.

* *
*

Заря красная въ небесахъ загоралася,
Заря алая на землю спускалася,
Мать-сыра-земля всколыхнулася,
Всколыхнулась да горько заплакала.

Павелъ Градскій.

ОБЗОРЪ ГАЗЕТЪ.

По заслугамъ и честь. За дѣла праведныя—награды жалованныя.

„Наши дни“ перечисляютъ лицъ, получившихъ недавно награды. Варшавскій генералъ-губернаторъ Скалонъ—орденъ Владиміра 2-ой степени. Новгородскій губернаторъ баронъ Медемъ—Владиміра 2-ой степени (извѣстенъ со временъ 20 октября, погромъ въ Новгородѣ). Бывшій Ярославскій губернаторъ Алексѣй Роговичъ—Станислава 1-ой степени (извѣстенъ по ярославскому погрому). Іоаннъ Кронштадтскій—орденъ св. Александра Невскаго.

Обидѣлись за несправедливую оцѣнку правительствомъ ихъ дѣйствій, направленныхъ для пользы и блага родины, оба Нейдгардта (извѣстны по одесскому и екатеринославскому погромамъ) и бывшій томскій губернаторъ Азанчевскій (наблюдалъ, какъ Неронъ, на зажженное имъ вмѣстѣ съ людьми зданіе томскаго театра). Не печальтесь „униженные и оскорбленные“. До новаго года еще осталось время. Никого „не обидимъ“. „За содѣянное“ воздастся вамъ по дѣламъ вашимъ.

Для того, чтобы привести вѣсы „правосудія“ въ должное равновѣсіе съ жандармскими вѣсами министерства внутреннихъ дѣлъ на мѣсто министра юстиціи на этотъ важный постъ назначенъ, благодаря содѣйствію Дурново, его родственникъ сенаторъ Акимовъ.

Отставка Манухина, какъ говорятъ, вызвана недовольствомъ „тайнаго кабинета“ тѣмъ, что среди прокуратуры въ послѣднее время замѣчается ослабленіе энергіи въ дѣлѣ преслѣдованія, такъ называемыхъ, на оффиціальномъ языкѣ „политическихъ преступниковъ“. Сенаторъ Акимовъ, человѣкъ реакціоннаго направленія. Состоитъ въ родствѣ съ Дурново (Новости).

Бѣдная богиня правосудія! Какъ такіе люди получаютъ портфель министра юстиціи? Очень просто: реакціонеръ, и... кромѣ того:

„За хвостикъ тетенькинъ держался“.

Насколько баньщики честнѣе и благороднѣе почитателей Московскихъ Вѣдомостей показываетъ фактъ, происшедшій съ Грингмутомъ въ банѣ и воспѣтый въ балладѣ Гейне изъ Тамбова въ Новостяхъ.

Грингмутъ, любитель порки, обращается къ баньщику:

Баньщикъ, прежде чѣмъ мытье
Вы начнете, вспарьте жарко
Тѣло нѣжное мое.
Но въ отвѣтъ сурово баньщикъ:
Я, какъ истый патріотъ
Объявляю здѣсь отъ бани
Тѣлу Грингмута бойкотъ.
Онъ не будетъ вымытъ мыломъ,
Не получитъ онъ воды;
Пусть онъ грязнымъ остается
За нечистые труды.

Рыцарь Грингмутъ оскорбленный до глубины души поступкомъ мятежниковъ отправляется грязный въ редакцію и строчитъ статью „Крамола въ банѣ“.

МЫСЛИ и МЫСЛИШКИ.

1) Съ міру по ниткѣ—жалованье министру.

2) Послѣ покушенія—будетъ повышеніе.

3) „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы“, сказалъ Алексѣевъ, вспоминая былое.

4) „Лучше осудить десять невинныхъ, чѣмъ оправдать одного виновнаго“, сказалъ, блаженной памяти фонъ-Плеве.

5) „Какъ пріятно умереть за свое отечество“, воскликнулъ Куропаткинъ, удирая съ поля сраженія.

6) „Себѣ дороже стоитъ“, говорилъ Дурново, продавая овесъ.

7) „Не должно смѣть свое сужденіе имѣть“ кричалъ Севастьяновъ, разгоняя союзъ почтово-телеграфныхъ служащихъ.

8) „Мели Емеля твоя недѣля“! говорили репортеры на пріемѣ у Витте.

9) Отчего сенаторъ гладокъ—поѣлъ да и на бокъ.

Не-Шопенгауэръ.

Въ магазинѣ открытыхъ писемъ.

— „Дайте, пожалуйста, мнѣ шесть свободъ“.

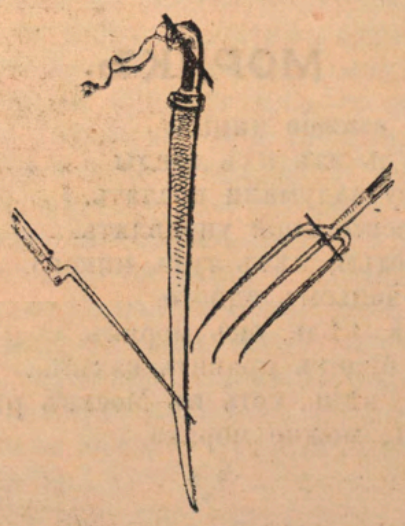
— „Простите, сударыня, свободы, къ сожалѣнію, у насъ уже кончились“.

Г. Ко.

ИЗЪ МОНОЛОГОВЪ гр. ВИТТЕ.

На-дняхъ я растворилъ темницу
Для нашихъ „внутреннихъ враговъ“
И „шлиссельбургскія гробницы“
Раскрыть я также былъ готовъ...
„Враги“-жъ опять спѣшатъ къ народу,
Несутъ преступныя мечты...
И снова я, презрѣвъ „свободу“,
„Враговъ“ забрать велѣлъ въ „Кресты“.

Вл. Н.

ЗАЧТО

Кровь... Они лежатъ... Она льется еще свѣжею струею...

Сколько этой невинной крови
Пролилось за послѣдніе дни?

Умерли!!. Но ихъ уста, какъ будто еще говорятъ—за что? А кровь все льется свѣжею струей—

Это кровь тѣхъ великихъ борцовъ за свободу,
Кто боролся за счастье и благо народа.

Вороны летятъ, почуявъ въ воздухѣ ее, но имъ нужно ея немного. Они, какъ бы въ глубокомъ раздумьи, стоятъ передъ убитыми и, еслибъ могли говорить, то сказали бы—за что? Они улетятъ, а кровь будетъ литься и литься. Они спятъ... Убиты—за что? Они спятъ непробуднымъ сномъ.

Вы счастьемъ народа всегда дорожили,
Мечтой о свободѣ вы только и жили,
Спасибо за это
Скажетъ вамъ русскій народъ.

МОРЯКЪ.

Однажды высшіе чины
Кого-нибудь изъ ихъ среды
Въ Москву задумали послать,
Чтобы Престольной управлять.
Къ несчастью, нѣтъ тутъ никого,
За исключеньемъ одного,
И то бѣда, вѣдь, онъ морякъ,
На сушѣ будетъ править какъ?!...
— „Да, вѣдь, есть въ Москвѣ рѣка—
Значитъ, можно моряка.

* *
*

Править сталъ Москвой морякъ,
Какъ какой-нибудь „кулакъ“.

Въ это время надъ Москвой
Туча съ громомъ и грозой—
Революція пришла
И столицу обняла.

* *
*

Изъ ружья стрѣлять никакъ,
Не умѣетъ нашъ морякъ,
Значитъ, пушки подавай
И столицу разрушай.
Что осталось отъ Москвы,
Полюбуйтесь теперь Вы!

Евгеній Маринъ.

Гимнъ черносотенцевъ.

За деньги съ нами
Вы, какъ съ ослами!
Куда угодно: въ, рай иль адъ!
Тотъ насъ имѣетъ,
Кто не жалѣетъ
Металлъ презрѣнный раздавать.
Насъ натравили,
Чтобъ мы избили
Крамольныхъ гражданъ въ ихъ домахъ;
Жидовъ-студентовъ,
Интеллигентовъ,
Мы разнесемъ всѣхъ въ пухъ и прахъ.
Мы безъ законовъ—
Хоть изъ притоновъ.
Разграбимъ все, всѣхъ побѣдимъ!
Мы—патріоты,
Разъ идіоты
Намъ платятъ сколько мы хотимъ.
Подайте больше,
Поможемъ Польшѣ
Самостоятельною быть!
Предложимъ, други,
Свои услуги,
Чтобъ и безправіе сломить.
Намъ безразличны
Графъ и фабричный—
Мы тамъ, гдѣ деньги, господа!
Мы ждемъ „работы“
Не безъ охоты,
Мы жаждемъ платнаго труда!!!

Рѣзецъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ.

I. Каждый министръ, членъ Государственнаго Совѣта, главноуправляющій и т.п. получаютъ на переѣздъ на свои квартиры по 10000 рублей. Считая, что: 1) у каждаго изъ нихъ такихъ переѣздовъ бываетъ самое меньшее три раза въ годъ, 2) что такихъ „привиллегированныхъ чиновниковъ“ найдется у насъ приблизительно 500 человѣкъ,—нужно высчитать сколько можно построить на эти деньги народныхъ школъ, принимая во вниманіе, что содержаніе каждой школы обойдется правительству въ 1000 рублей, и насколько повысился бы % грамотности въ Россіи, если-бы „сановные чиновники переѣзжали со своихъ квартиръ одинъ разъ въ пять лѣтъ, если-бы ихъ было меньше по крайней мѣрѣ на 450 и если-бъ на переѣздъ полагалось только 100 рублей. Узнайте также, почему крестьяне „голодаютъ“.

II. Еслибы Дурново продалъ Стаховичу, какъ представителю казны 40500 пудовъ овса по 44 копейки за пудъ, и еслибъ, по взятіи задатка въ размѣрѣ половинной стоимости черезъ полгода повысилъ цѣну на 47 коп. за пудъ, спрашивается, сколько заработалъ бы „этотъ купецъ“ на этомъ дѣлѣ или: сколько потеряла бы казна отъ „хитроумности“ „онаго купца“?

III. Выгодно ли заниматься корейскими концессіями и подобными авантюрами, если Безобразовъ явился въ Корею безъ копейки

денегъ, а черезъ два года поселился въ роскошной виллѣ, во Франціи, расходуя ежегодно по 120000 рублей, если сможетъ прожить на „честно нажитыя деньги“ 21 годъ 7 мѣсяцевъ и 13 дней и если еще оставитъ своимъ наслѣдникамъ болѣе 1000000 рублей. Кому принадлежатъ эти деньги?

IV. Каждый палецъ иностраннаго подданнаго оцѣнивается русскимъ правительствомъ въ 35000 рублей. Считается, что въ Россіи имѣется 100000 иностранцевъ, (изъ нихъ 90000 съ 20 пальцами, а 10000 съ 24), сколько нужно израсходовать правительству денегъ, еслибъ казаки перебили у нихъ всѣхъ пальцы, и „выдержало-бы“ русское правительство, еслибъ у потерпѣвшихъ „берговъ, кампфовъ, барсовъ и пр.“ явилась вдругъ „фантазія“ получить за пальцы „не кредитками, а золотой монетой“. Если можно, узнайте также, по чемъ оплачивается палецъ у нихъ на родинѣ?

Вѣра Степанова.

Политехническій институтъ.

(ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ).

Я мирно ѣхалъ въ храмъ науки
Далекій путь меня пугнулъ.
Я отъ усталости и скуки
Въ дорогѣ тихо прикурнулъ.
И снилось мнѣ: Нева, столица.,
Свободныхъ гражданъ ясный взоръ;
Повсюду радостныя лица
Свободѣ данъ теперь просторъ...
Мнѣ такъ легко на сердцѣ стало!
И думалъ я: оконченъ путь;
Свободы царство уже настало!
Народу можно отдохнуть.
Мнѣ снилось... вдругъ толчекъ: „въ чемъ дѣло?“

Со сна воскликнулъ громко я.
„Начальство ѣздить не велѣло,
Чего суешься! Ишь свинья!“
И понялъ я, что сонъ прекрасный
Былъ только сномъ и онъ исчезъ!
Смотрю кругомъ стоятъ казаки,
Науки храмъ уже осажденъ:
Пѣхота, пушки, бивуаки...
Я былъ осадой пораженъ.
И съ болью въ сердцѣ въ путь обратный
Въ нѣмой тоскѣ я повернулъ,
А сонъ таинственный, пріятный
Меня теперь не обманулъ.
Я ѣхалъ съ мыслью о свободѣ,
О тяжкой долѣ мужика,
О нашемъ страждущемъ народѣ...
Ужель свобода далека!?

Пчела.

Завѣщаніе либерала начала XX-го столѣтія своимъ дѣтямъ и внукамъ.

Безусловно
Полюбовно,
Осторожно
Только можно.
Не кричите,
А просите,
Улыбайтесь,
Покланяйтесь...
Не ругайте—
Похваляйте
Всѣ порядки,
Безпорядки.
Если гадятъ
Или крадятъ
Не кричите,
А молчите.
Не смотрите,
Не глядите
На буянство
Власть имущихъ.
Околодки
Васъ въ колодки
Заколотятъ,
Поколотятъ...
Вы-жъ молчите,
Не шумите,
Никому не говорите.
Непокорство,
Непотворство
Вы свое не выражайте,
Но всѣмъ счастія желайте!
А гдѣ можно,
Осторожно
Тамъ вздохните
И скажите:
„Допустите...
Разрѣшите
Намъ собраться,
Разобраться...
Въ дѣлахъ „вашихъ“
Потрудиться
И за „нашихъ“.
Заступиться“
Разрѣщатъ
Такъ соберитесь,
Запретятъ—
Такъ разойдитесь...
Безусловно
Полюбовно,
Осторожно
Только можно!

Вовчикъ.

Охота.

Охота. Всюду раздается
Собачій лай въ лѣсахъ, поляхъ,
И сердце трепетно забьется
Звенитъ, какъ кажется, въ ушахъ.
Смотрите, двѣ уже недѣли
Брожу я, а ягдташъ пустой,
И дичью мы не обѣднѣли:
Звѣрей у насъ запасъ большой.
Вы скажете, что не умѣю
Стрѣлять я. Шутите друзья.
Звѣрей я, милые, жалѣю
Люблю ихъ больше, чѣмъ себя.
Повѣрьте, (вижу, вы смѣетесь),
Вы не найдете средь звѣрей
Такихъ воровъ, что ужаснетесь,
Какихъ такъ много у людей.
Ну, развѣ волкъ, судите строго,
Крадетъ, какъ русскій интендантъ?
Медвѣдь, клянуся Вамъ, ей Богу,
Крестьянъ не „дралъ“, какъ „адъютантъ“.
Лисица хитрая, такъ нѣжно,
Какъ Витте вамъ не будетъ лгать,
Въ одинъ присѣстъ, шутя, небрежно,
Вамъ конституцію писать,
Затѣмъ спустя одну недѣлю
Ее, какъ поваръ урѣзать,
Болтать, какъ праздный пустомеля
Да „диктатурой“ васъ пугать!
Оселъ и тотъ, ей—ей, не скажетъ,
Что Треповъ Дмитрій либералъ
И на него вамъ не укажетъ,
Какъ на защитника всѣхъ правъ.
Ну, сталъ бы вдругъ машиной править
Вотъ этотъ самый-же Оселъ
И такъ обманывать, лукавить,
Какъ это дѣлалъ князь Хилковъ?
Слыхали-ль вы, чтобы серьезно
Изъ дикихъ кто-нибудь звѣрей
Издалъ бы (это невозможно)
Приказъ: „патроновъ не жалѣй“?
Да развѣ Заяцъ безъ зазрѣнья
Отъ непріятелей бѣжалъ,
„Терпѣнье“, лишь одно „терпѣнье“,
Какъ Куропаткинъ все кричалъ?
Медвѣдь,—да развѣ онъ поможетъ,
Какъ Мартенсъ письма разбирать?
Себя онъ съ голоду обгложетъ,
Чѣмъ забастовкѣ помѣшать.
Скажите правду, вы слыхали,
Чтобъ звѣря только одного
Подать въ отставку умоляли
Такъ, какъ министра Дурново.
А птицы,—тѣ куда умнѣе
Графинь, что почту разносить
Взялися, чтобы веселѣе
Имъ время праздное убить.
Скажите, утки развѣ будутъ
Въ Германію стремглавъ бѣжать,
Какъ патріоты, не забудутъ
Свои тамъ деньги размѣщать?
Видали вы, порой ночною,
Чтобъ пьяный, точно какъ казакъ,
Ходилъ мотая головою.
Болотный сѣренькій гусакъ?
Повѣрьте мнѣ, такъ звѣри милы...
Не въ силахъ я ихъ убивать.
Цѣлюсь я... сердце вдругъ заныло
Ну, и начну я пуделять.
Итакъ, чѣмъ больше я вникаю
Въ дѣла и жизнь „высшихъ сферъ“,
Газетъ чѣмъ больше я читаю—
Милѣй становится мнѣ звѣрь.

Павелъ Градскій.

Роговичу.

Какой финалъ!
Какой скандалъ!
Вмѣсто тюрьмы—
Вдругъ Станиславъ!

Нейдгардту.

Нѣмцы, видно, насъ умнѣе,
Что убраться въ одинъ часъ
Изъ отелей поскорѣе
Попросили ясно васъ.
Развѣ Нейдгардтъ понимаетъ,
Что нѣмецъ лучше и честнѣй,
Что охотно „принимаетъ“
Лишь „порядочныхъ людей“?

Рѣзецъ.

Прежде

Теперь

Открыта подписка на 1906 годъ

на Политико-Сатирическій художественный журналъ

„НАГАЕЧКА".

Въ журналѣ участвуютъ лучшія литературныя и художественныя силы. Годовые подписчики получаютъ въ премію въ теченіи года серію, состоящую изъ 12 открытыхъ писемъ на злободневныя темы. Подписная цѣна на годъ безъ доставки 2 р. 50 коп., съ доставкой и пересылкой 3 р. 50 к. Допускается разсрочка. Литературный и художественный матеріалъ просятъ присылать въ редакцію съ обозначеніемъ условій гонорара и имя, фамилія и адресъ автора (исключительно для свѣденій редакціи).

Присланный матеріалъ безъ обозначенія условій считается безплатнымъ. Матеріалъ, признанный редакціею негоднымъ, обратно не возвращается. Редакція—(Лиговка 117 кв. 40) открыта ежедневно отъ 10 до 1 часу дня и отъ 3 до 5 вечера. Тамъ же редакторъ принимаетъ для личныхъ переговоровъ отъ 3 до 5 часовъ вечера по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ.

Въ день выпуска оптовая продажа отдѣльныхъ нумеровъ производится на 1-й Рождественской ул. 10а, кв. 19.

Потемкин
Манифест
17 Октября
1905 Год
Репрес

Оптовая продажа отдѣльныхъ номеровъ въ день выхода въ свѣтъ производится 1-я Рождественская, д. № 10 кв. 19.

Въ этомъ № 12 страницъ.

Издатель Х. М. Кнорринг. Ответственный редакторъ А. Ф. Ивановъ.

Спб. Коммерч. Типо-Литографія М. Виленчика. Литейн. 58.